

- ⁴⁶ См.: Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. С. 177.
- ⁴⁷ См.: Записная книга 7149 года // РИБ. Т. 10. СПб., 1886. С. 206.
- ⁴⁸ См.: Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 89, 172, 310; Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 696, 708.
- ⁴⁹ Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 739.
- ⁵⁰ Записная книга 7155 года // РИБ. Т. 10. СПб., 1886. С. 312.
- ⁵¹ Там же. С. 344, 372.
- ⁵² См.: Записная книга 7157 года // РИБ. Т. 10. СПб., 1886. С. 450.
- ⁵³ Там же. С. 453.
- ⁵⁴ См.: Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Том VIII / сост. Ю. В. Анхимюк, А. П. Павлов. М.; Варшава, 2009. С. 199.

УДК 94(470.44).07

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ НА ВОЛГЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Ю. С. Гальперина

Саратовский государственный университет
E-mail: galperinajulia@mail.ru

В статье рассмотрены первые этапы становления немецких колоний на Волге во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Колонизационная политика правительства представляла собой целую систему продуманных мер и законов, которая пыталась охватить все стороны внутренней жизни колонистов. После тяжелых первых лет с момента водворения немецких колоний до середины XIX в. благодаря пристальному надзору за хозяйственным развитием региона удалось решить вопрос колонизации края.

Ключевые слова: экономика, немцы Поволжья, колонизация, колония, земледелие, ремесло, промыслы.

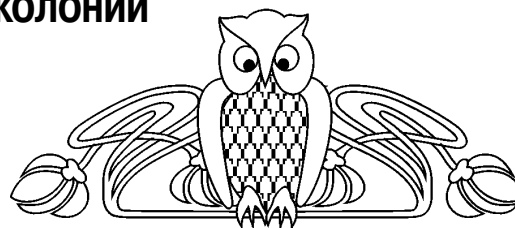
Economic Development of German Colonies on the Volga River in the Second Half of the 18th – the First Half of the 19th Centuries

J. S. Galperina

This article deals with the first stages of formation of German colonies on the Volga river in the second half of the 18th – the first half of the 19th centuries. The colonization policy of the government consisted of the whole system of well-thought means and decrees that tended to spread on all sides of internal life of colonists. After the first hard years of emerging German colonies and up to the middle of the 19th century thanks to undivided supervision of economic development of the region it became possible to solve the problem of colonization of the region.

Key words: economic, German Volga region, colonization, colony, agriculture, handicraft, trades.

На рубеже 50–60-х гг. XVIII в. в правительственной среде встает вопрос о необходимости заселения территории по берегам Волги. В возникающих проектах того времени подчеркивалось экономическое значение Волжского пути¹, которое несколько меркло вследствие малой населенности края и опасности от шаек разбойников и степных кочевников. Путем колонизации района планировалось изменить данную ситуацию².

Начало массовой колонизации края положила Екатерина II подписанием Манифеста 4 декабря 1762 г. «О позволении иностранцам селиться в России и свободном возвращении русских людей, бежавших за границу»³. В этом документе отразились основные ее принципы руководства страной: «материнская забота о спокойствии в стране и увеличении численности населения»⁴. В 1763 г. были обнародованы два законодательных акта, которые стали фундаментом для проведения колонизационных мероприятий: указ «Об учреждении Канцелярии опекунства иностранных колонистов»⁵, которая отвечала за иностранную колонизацию, и манифест «О дозволении всем иностранцам, въезжающим в Россию, селиться в разных губерниях по их выбору, их правах и льготах»⁶. В этом манифесте подробно описывался процесс переселения иностранцев в страну и разъяснение дарованных им привилегий. Особо ценились свобода вероисповедания и освобождение от воинской и гражданской службы. Важное место занимали положения, регулирующие хозяйственную деятельность колонистов.

Прибывшим поселенцам предоставлялся льготный период на 30 лет «от всяких налогов и тягостей». Для заселения колонистами предназначались лишь места в луговой стороне Волги – Николаевском и Новоузенском уездах, между реками Караманом и Ерусланом, где Сенат в своем указе от 14 декабря 1762 г. насчитывал 70 тыс. десятин свободных земель⁷, места же в нагорной стороне выделялись по Указу от 19 марта 1764 г.⁸ Правительство гарантировало «всякое вспоможение и удовольствие» для ведения сельского хозяйства в особенности земледелия, развитию мануфактур, фабрик и заводов, «наипаче» неизвестных до той поры в нашей стране.

Манифест также обещал беспроцентную ссуду на десять лет на строительство домов, за-

купку продовольствия до первого урожая, скота, сельскохозяйственного инвентаря и инструментов для ремесленников. По истечении этого срока выплата должна была осуществляться в течение трех лет равными частями⁹. Поселенцам разрешалось организовывать по «собственному их благорассуждению торги и ярмарки» без сбора пошлин с продаж в государственную казну. Таким образом, цель проводимой политики правительством – занять оседло «пустующие» земли и окраины империи¹⁰.

До начала строительства колоний требовалось определить, по какому принципу будет наделение землей, и по каким планам будут создаваться поселения. Положения закона «О размежевании земель, отведенных для поселения иностранных колонистов»¹¹, были разработаны Канцелярией, переданы в Правительствующий сенат и утверждены императрицей 19 марта 1764 г., впоследствии этот закон получил название аграрного.

В положениях закона для поселения колонистов отводилась большая площадь по обе стороны реки Волги¹². В изъяснении подчеркивалась выгода расположения отведенной колонистам местности: при увеличении числа населения не будет никакой опасности, так как «почти со всех сторон будут ограждены старыми селениями»; если обстоятельства потребуют провести «новое учреждение», то положение места будет к этому способствовать, образованные селения, даже если при расположении в разных местах этой территории, могут вести между собой торговлю¹³.

Прибывших на Волгу колонистов предписывалось селить округами. Каждый округ в диаметре был не менее 60 и не более 70 верст, и в нем должны были жить до тысячи семейств. А сами округа создавались по религиозному принципу, чтобы избежать «всякую вражду и ненависть, случающиеся обыкновенно между разноверцами, от излишней ревности к вере»¹⁴.

На каждую семью было подсчитано отвести 30 десятин: из них 15 десятин на пашенную землю, 5 сенокосной, 5 на лесные угодья, остальные 5 на усадебную, гуменную и огородную земли. При этом учитывалось и неравенство семей, взрослые дети или «свойственники» могли заниматься рукоделием или промыслом, или, по крайней мере, «излишний работник мог отправиться работать в другую малолюдную семью за деньги»¹⁵. В действительности каждая семья получила приблизительно 36,2–36,3 десятины удобной для использования земли. Всего во владении у колонистов на начало 70-х гг. XVIII в. находилось 368 084 десятины¹⁶.

В основном колонисты прибывали из тогдашней Римско-Немецкой империи под гегемонией Габсбургов¹⁷. Вербовкой населения, в первую очередь крестьян, занимались правительственные агенты и частные предприниматели, так называемые вызыватели. Большая часть колонистов, вызванных

с 1763–1766 гг. и выехавших в Россию после прекращения вызова (1767–1773 гг.), была направлена правительством для водворения в Поволжье. Между 1764–1768 гг. здесь было основано 63 вызывательских и 41 коронная колония¹⁸. 28 апреля 1766 г. в качестве исполнительного органа Канцелярии Опекунства иностранных была создана Контора опекунов иностранных в Саратове¹⁹.

Весь путь колонистов из Германии до Саратова сопровождался бедствиями, болезнями, эпидемиями и массовыми смертными исходами: из Германии на Волгу вышло 27 000 душ, к 1 января 1769 г. после водворения в колониях оказалось 23 246 душ, даже если, учитывая, что часть колонистов уходила в города и дезертировала, смертность была весьма значительной²⁰. По подсчетам И. Р. Плеве, в дороге умерло почти 12,5 % от общей численности выехавших переселенцев²¹.

Первые годы после переселения были действительно тяжелым испытанием для колонистов. Уже только отсутствие более или менее устроенных жилищ должно было отрицательно сказаться на состоянии здоровья населения. По прошествии четырех лет после приезда первой партии колонистов, в 1769 г., было построено для 6 433 семей только 4 560 домов, а в 1773 г. на 6 175 семей приходилось 5 963 домов²². Проблемы с жильем в первую очередь касались вызывательских колоний. От колонистов выступали многочисленные жалобы на произвол вызывателей.

Положение коронных колоний было лучше, и они быстрее начинали налаживать свою хозяйственную жизнь, о чем свидетельствуют размеры государственных субсидий, которые выделялись на закупку продовольствия для поселенцев. С 1768 по 1773 г. для казенных колонистов питание было закуплено 20 455 четвертей ржи, в то время как для вызывательских – 66 146 четвертей, т.е. в 3 раза больше²³.

Второе бедствие, от чего страдали новые переселившиеся жители из Средней Европы, – адаптация к своеобразному и непривычному резко континентальному климату Нижнего Поволжья²⁴. В своих неизданных мемуарах житель колонии Олешня²⁵ Пат так описывал свое прибытие на поселение: «колонисты собрались вместе на общую молитву и благодарят Бога за то благополучное прибытие. Тяжелое чувство овладело молившимся: иной оставил на родине своих родителей, у другого смерть отняла дорогую жену и детей, а многие явились сюда сиротами – без отца и матери. К тому же у нас не было и кровли, под которой мы могли бы укрыться, а вскоре по прибытии прошел сильный дождь, насквозь промочивший нашу одежду и покрывала. Это заставило нас немедленно заняться возведением землянок. Так как первая зима была очень суровая и выпало много снега, то нетрудно себе представить, с какой тоской каждый вспоминал свою милую родину, так как в первую же зиму два наших собрата, ездившие в Поповку за провизией замерзли, и лишь весною

по расстоянию снега были найдены их мертвые тела; только по проведению Божьему не замерзло больше народа. С ужасом вспоминаю, как многие колонисты в одном сюртуке или кафтане, если таковой имелся, ездили в Саратов за казенной мукой для пропитания себя и своих детей...»²⁶

Другой колонист из Николаевского уезда описывает ужас зимы: «... наступила зима. Вся дневная работа колонистов состояла в доставке дров для отопления своих землянок. Ударил страшный мороз. Все были бедные, голы, без обуви, на теле лишь привезенные с собою легкие одеяния: холщевый китель и куртка, которые совершенно не гармонировали со здешними морозами. Все с тоской вспоминали родину... К тому же поступила и новая беда: во многих местах вышла провизия, и многим казалось, что придется умирать с голоду. Вообще же в жизненных припасах чувствовался большой недостаток: полученная от конторы опекунства мука была ржаная и часто заплесневелой, горькой и едва годилась в пищу. Страшно было даже у бедных пришельцев в дикой и далекой степи, отрезанных от мира, голодные и голые ничего – ни в них, ни на них... Наконец настала весна, снег начал таять и едва не замерзшие и еле живые колонисты должны были вылезти из своих зимних нор, так, как весенняя вода стала заливать их землянки...»²⁷

До 1775 г. колонии страдали почти от всеобщего неурожая²⁸, часто возникновения падежа скота, отсутствия хорошей питьевой воды (в южной части Правобережья Волги, Камышинский уезд)²⁹. Колонист Штальбаум из Боаро³⁰ с горечью вспоминал этот период: «... с 1769 по 1775 гг. были такие неурожай, что даже не собирались семена. Правда, семена снова выдавались ежегодно, но всегда слишком поздно... Казна смилостивилась над нами и, чтобы многие не умерли с голоду, выдавала ежемесячно каждому взрослому по 2 меры, а детям по 1 мере ржаной муки вплоть до 1775 года. Мука эта, однако, была слежная, совершенно зеленая и заплесневелая, так что ее приходилось разбивать топором или молотком; такую муку теперь и скотина есть не будет, но и ее не давали вдоволь...»³¹

Однако такая ситуация царилась не везде, несмотря на засуху 1769 г., на огородах колонии Сосновки (основана на 3 года ранее выше указанных колоний)³², по описанию И. И. Лепехина, можно было найти: петрушку, пастернак, разных родов капусту и прочее. Удивление доктора наук вызвало наличие земляных яблок (картофеля), таким образом, подтверждалось, что «эта культура может прорасти на наших землях». Колонисты «не худые пахари, знают, сколько и какого удобрения требует пашня к урожаю разных растений»³³.

Постепенное улучшение жизни наступает после 1772 г., когда был произведен разбор колонистов на способных и неспособных к хлебопашеству, поскольку состав прибывших поселенцев был весьма неоднороден: 60 % являлось хлебо-

пашцами, а остальные 40 % представляли более 150 различных профессий³⁴. Такая перемена образа жизни побудила их прилагать большие старания к землепашеству и «произведению разных произрастений: хлеба и картофеля», ведь всякая ссуда из казны кончилась с 1773 г.³⁵

Экономическое положение вновь ухудшилось после разорения со стороны отрядов повстанческой армии Пугачева и набегов местных кочевников – киргизов (казахов) 1774 г.³⁶, при которых людей уводили в плен с их имуществом и скотом. Ухудшение экономического положения колоний незамедлительно сказалось на численности населения. П. Г. Любомиров указал с 1769 г. по 1791 г. только 8 поселений с неизменившимся количеством семейств³⁷.

В 1775 г. Императрица Екатерина II велела трудолюбивым колонистам объявить «монаршее благоволение», а нерадивым и беспорядочным в образе жизни предоставить право по уплате долгов выехать из России или вступить в военную службу. Тем, у кого земля оказалась неудобной, дозволено было переселиться на земли плодородные, и в этом случае прощено им казенного долга около 1 025 479 рублей³⁸.

В 1797 г. ввиду крайнего упадка колоний и всеобщих жалоб поселенцев на злоупотребления и стеснения, правительство признало необходимость приступить к устройству «внутренней их юрисдикции». С этого времени управление колониями дано устройство, соответствующее условиям каждой отдельной местности³⁹. Согласно инструкции, «контора отвечает за все, к колониям относящееся, и для того исправный сбор в свое время надлежащих в казну платежей»⁴⁰. В 1800 г. правительство подготовило еще одну инструкцию «О внутреннем распорядке и управлении в поволжских колониях», которая регламентировала все стороны жизни колонистов⁴¹.

Основным занятием у колонистов было земледелие, имевшее зерновую направленность, при этом должен был применяться трехпольный севооборот, который как раз и вводила инструкция 1800 г. Однако это не везде соблюдалось. Как отмечал пастор Иоган Эрбес, описывавший налогообложение и землеустройство в колониях Тарлыцкого округа (Бангерт, Иост, Куккус и Поповкино) в 1809 г., «неоконченное по ныне межевания колонистских земель затрудняет правильное устройство хозяйства. Не достает у них разведения оной по правилам на пашни, покосы, выгон и леса. Пашни не расчленены на ново озимые, яровые и паровые, от того достаточные хозяева отводят для посева дикие плодородные по чернозему места в степях, которые располагаются на немалое расстояние от своих жилищ. Слабые хозяйства по недостатку людей, лошадей и сбури не могут с ними равняться, они без всякого разбора сеят на старинных опекунского межевания землях, по их выбору яровой, озимый хлеб и табак»⁴².

Вместе с тем, у некоторых поселений хлебопашество уже в начале XIX столетия полностью ориентировалось на рынок. Так, урожай 1803 г. зерновой пшеницы 53 403 четверти был отправлен на 64 судах из Екатеринштадта и Панинской на сумму 193 874 руб., татарского табаку 15 тыс. пудов на сумму 10 100 руб. Пшеница пошла в верховье Волги до Рыбинска, а табак – в Астрахань, кроме того, мелочь продавалась в колониях. На горной стороне колонисты развозили пшеничную и ржаную муку, овес, ячмень, просо, горох на 200 тыс. руб. Таким образом, в колониях денежного оборота набралось свыше 400 тыс. руб. В казну с них поступило 31 тыс. руб., повинностей почтовых и колодничьих уплачено до 18 тыс. руб. В самих колониях осталось до 350 тыс. руб.⁴³

Урожайность хлебов у немецких колонистов была несколько выше, чем у соседних крестьян. Так, с 1842 г. по 1850 г. у колонистов средняя урожайность составляла по озимым культурам «сам 4,3» и по яровым – «сам 4,1». Тогда как у государственных крестьян губернии – соответственно «сам 4,0» и «сам 3,1». Повышения урожайности в первой половине XIX в. не наблюдалось современниками. Поэтому они считали благоприятными годами, когда урожай собирался «сам 5» и более⁴⁴.

Из отчета о колониях за 1807 г. следует, что земледельческие орудия у колонистов были по тем временам хорошими: средний бранденбургский плуг и бороны с железными и дубовыми зубьями соответствовали своему назначению и способствовали скорости, с которою здесь в весеннее время необходимо было проводить приготовления земли, чтобы не пропустить нужного в посевах времени⁴⁵.

Большое значение в сельском хозяйстве колонистов занимала культура табака. Посевы табака были основаны голландскими семьями, поселившимися в этих колониях в начале их водворения. Из статистических сведений об иностранных поселениях следовало, что в саратовских колониях с 1817 г. до 1827 г. табаку было получено 1113, 331 пудов – 39 ½ фунтов, а в следующее десятилетие 162, 400 пудов – 31 ½ фунтов. В среднем в год табака выращивалось по 162,820 пудов и 15 2/3 фунтов. В 1835 и 1836 гг. продано его в год на 315, 791 руб. 25 коп.⁴⁶

Насаждение табака быстро распространялось, особенно в колониях луговой стороны, т. е. в Екатеринштадтском и Панинском округах. Некоторые колонисты вначале производили его 200–300 пудов и получали до 1 500 руб. и более дохода, поскольку цена была по 5–6 руб. за пуд. Но уже через два года цена упала до 60 коп., причиной этого стало большое число насаждений простого табака русскими и малороссийскими крестьянами. Табак сильно истощал землю, на которой он произрастал, поэтому требовалась частая перемена места. Чтобы выйти из положения, колонистам приходилось унаваживать землю и, не заботясь

о качестве табака, они стремились только произвести его в большем количестве. Упадок цены не пугал их, так как они уже к этому привыкли⁴⁷.

Саратовская Контора опекунства иностранных внушала колонистам пользу разведения «искусственных лугов» и неизвестных ранее культур. Так в 1807 г. было куплено 10 пудов дятковины красной, 1 пуд 20 фунтов люцерны, 20 фунтов эспарцета, 20 фунтов свекловицы и 3 фунтов цикория. Эти семена были розданы по колониям с наставлением, как их сеять. Люцерну предписывалось засеивать по 2 десятины для содержания испанских овец, которых препроводили сюда из Новороссийских колоний⁴⁸. Во многих колониях на горной стороне (Норке, Ключах, Лесном Карамыше и Побочной) и луговой стороне (Тяляuze, Нидермонжу, Боскатовке, Красном Яру и Березовке) были посеяны кормовые травы. Однако на следующий год колонисты забыли разрыхлить мягкой бороной землю, так что дикая трава поела посеянное и червь поел дятковину и люцерну⁴⁹. В итоге в колониях сохранился один цикорий, а свекловицу перемешали колонисты с простою свеклою, а бобов совсем не сохранили⁵⁰.

Огородничеством колонисты занимались исключительно для внутреннего потребления. В частности, весьма много разводили картофеля, употребляя его только в пищу и на корм скотине. Разведение в большом количестве свекловицы к 1830-м гг. начали колонисты Сосновского округа, которая поступала на специально учрежденный в колонии Севастьяновке завод графа Бобринского. Доход от этой культуры по семи колониям округа составлял 25 тыс. руб.⁵¹

По статистическим данным пастора Эрбеса, колонисты занимались: скотоводством, однако против прежних лет имели небольшую прибыль; пчеловодство из-за неудобства расположения и от дальности лугов было весьма неважным, от 757 ульев получено было только 89 пудов меда. Успешнее шло виноградарство, на луговой стороне колонисты посадили по 10 и более лоз, на нагорной стороне в колонии Верхней Кулалинке и Севастьяновке в 1806 г. продано до 40 пудов винограду в кистях и число лоз каждый год приумножалось, оно выросло до 3 тыс. Однако виноградные кисти не совсем созревали, поэтому виноградное вино не производилось. Рыбной ловлей колонисты занимались только в Буераковом Буераке, остальные поселения отдавали эти промыслы или своим же колонистам, или же посторонним промышленникам на откуп⁵².

В гораздо меньшей степени, чем земледелием, колонисты занимались ремеслами и промыслами. На 1837 г. ремеслами и промыслами занималось 2521 человек, в том числе мастеров было 633, рабочих – 1888 человек. Для подавляющего большинства занятия ремеслами и промыслами являлись дополнительным заработком. Только 324 человека занимались исключительно ремеслами⁵³.

Из мастеров, как по числу, так и по значительности доходов, первое место занимали ткачи, производившие выделку тканей из хлопчатой бумаги. Так, в Сосновском округе в 1836 г. находилось 777 станков, на которых выделано было хлопчатобумажных изделий 477 350 аршин и продано за 437 57 руб. Станков для выделки суровых сукон находилось 510. На них выделано в 1836 г. сукна – 151 057 аршин. Станков для выделки полотен – 817. В течение всего года выткано на них 249 463 аршина, на сумму – 49 862 руб. 60 коп.⁵⁴ К началу XIX в. центром ткацкой промышленности в крае оставалась Сарепта, это был ее период наивысшего расцвета⁵⁵. Сукно и полотно потреблялось исключительно самими колонистами.

С 1803 г. в колониях было возобновлено шелководство. При этом до 1806 г. тутовых деревьев разведено 20 914, а в 1806 г. еще посажено 16 793 дерева. Тогда же был сделан первый опыт производства шелка в колониях Шафгаузен и Норке. Полученные колоны здесь отослали для смотки в Астрахань⁵⁶.

Из других отраслей промышленного производства в саратовских колониях имелась также выделка кож, которых в 1836 г. было продано на 39 885 руб., изготовление кирпичей. На действовавших 10 заводах выделка кирпичей была незначительной, они работали периодически, чтобы произвести кирпичи для постройки церквей и изредка домов. В колониях имелось 311 ветряных мельниц, от одного до трех поставов, сукновален – 8, маслобоен – 96⁵⁷.

На протяжении второй половины XVIII – первой половины XIX в. Саратовское Поволжье относилось к числу наиболее интенсивно заселяемых районов страны⁵⁸. Важнейшим итогом массовой колонизации стало быстрое экономическое развитие края⁵⁹. Как отмечал А. Леопольдов, русское правительство заботилось о здешних переселенцах и довело их до желаемого благосостояния. К середине XIX в. насчитывалось более 12 тыс. семейств и около 135 947 душ обоего пола. У них процветало: хлебопашество, разведение табака, огородничество, садоводство, скотоводство, ремесла и торговля⁶⁰.

Примечания

- ¹ Волжский водный путь в XVIII в. получил значение поставщика для внутренних областей России самого необходимого населению продукта – соли, добываемой в Эльтонском озере.
- ² См.: Писаревский Г. Г. Нижнее Поволжье в третьей четверти XVIII в. // Известия Азербайджанского гос. ун-та. Общественные науки. Т. 14. Баку, 1929. С. 5–6.
- ³ Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). Собр. 1. СПб., 1830. Т. 16, № 11720. С. 126–127.
- ⁴ Плева И. П. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2000. С. 57.
- ⁵ ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 16, № 11879. С. 212–213. В 1782 г. Канцелярия опекунов и ее Контора в

Саратове были упразднена, колонисты отошли в ведение бывших «директоров домоводства». Под этим управлением они оставались до 1797 г, когда при правительствующем сенате была учреждена особая «Экспедиция государственного хозяйства, опекунов иностранных и сельского домоводства» в этом же году воссоздается Саратовская контора опекунов иностранных. С учреждением министерств эта экспедиция вошла в состав министерства внутренних дел и оставалась при нем до (1837 г.) учреждения министерства государственных имуществ. (См.: Клаус А. Наши колонии. Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869. С. 16.)

- ⁶ ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 16, № 11880. С. 313–315.
- ⁷ Там же. № 11720. С. 127.
- ⁸ См.: Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. М., 2000. С. 41.
- ⁹ См.: Плева И. П. Указ. соч. С. 61.
- ¹⁰ См.: Клаус А. А. Указ. соч. С. VI.
- ¹¹ ПСЗ. Собр. 1. Т. 16, № 12095. С. 648–655.
- ¹² От острова Чардымского, выше Саратова по Волге, до города Царицына; далее на запад до впадения реки Безымянной в Дон, по Дону до рек Медведица и Хопер; от Хопра вверх по течению Дона до реки Витюк и вверх по течению этой реки до ее истоков (по территории современной Воронежской области), затем от ее истоков до станицы Новохоперской, а оттуда вверх по Хопру до села Знаменского (южная часть современной Пензенской области) и затем к Волге до острова Гордынского, а далее по Волге до острова Чардымского. (См.: Плева И. П. Указ. соч. С. 118–119).
- ¹³ См.: ПСЗ. Собр. 1. Т. 16, № 12095. С. 650.
- ¹⁴ Герман А. А., Плева И. П. Немцы Поволжья : краткий исторический очерк. Саратов, 2002. С. 9.
- ¹⁵ ПСЗ. Собр. 1. Т. 16, № 12095. С. 651.
- ¹⁶ См.: Герман А. А., Плева И. П. Указ. соч. С. 9.
- ¹⁷ См.: Дитц Я. Е. Указ. соч. С. 41.
- ¹⁸ См.: Писаревский Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. М., 1909. С. 182; Всего же с 1763 по 1766 г., по сведениям Я. Е. Дитца, перевезено 6 542 семьи коронных и вызывательских колонистов, составлявших около 22 800 душ. (См.: Дитц Я. Е. Указ. соч. С. 55).
- ¹⁹ См.: ПСЗ. Собр. 1. Т. 16, № 12630. С. 669.
- ²⁰ См.: Дитц Я. Е. Указ. соч. С. 61.
- ²¹ См.: Плева И. П. Указ. соч. С. 114.
- ²² См.: Ljubomiro P. G. Die wirtschaftliche Lage der deutschen Kolonien des Saratower u. Wolsker Bezirks im Jahre 1791. Pokrowsk, 1925. S. 10–11.
- ²³ См.: Плева И. П. Указ. соч. С. 150–151.
- ²⁴ См.: Ljubomiro P. G. Op. cit. S. 10–11.
- ²⁵ Колония Олешня (Диттель) основана в 1767 г. вызвателем Дебофем, это лютеранское село до 1917 г. относилось к Норкскому колонистскому округу.
- ²⁶ Государственный исторический архив немцев Поволжья (ГИАНП). Ф. 1831. Оп. 1. Д. 229. Л. 6.
- ²⁷ Там же. Л. 6 об.
- ²⁸ См.: Ljubomiro P. G. Op. cit. S. 10.

- ²⁹ *Ljubomirow P. G.* Op. cit. S. 11.
- ³⁰ Колония Боаро Екатериненштадского округа Николаевского уезда основана в 1767 г. вызвателем бароном Борегардом.
- ³¹ ГИАНП. Ф. 1831. Оп. 1. Д. 229. Л. 7.
- ³² Колония Сосновка (Шилинг) Сосновского округа Камышинского уезда – материнская колония, основанная в 1764 г.
- ³³ *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия доктора академии наук адъютанта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1795. Ч. I. С. 382.
- ³⁴ См.: *Плеве И. П.* Указ. соч. С. 105.
- ³⁵ См.: Топографическое и историческое описание Саратовской губернии (1807). Волгоград, 2011. С. 113.
- ³⁶ См.: *Ljubomirow P. G.* Op. cit. S. 11.
- ³⁷ На луговой стороне : Крутоярровка (42 семьи), Липовка (50), Тонкошуровка (88), Липовкут (48), Осиновка (30), Раскаты (46) и Суслы (32). На горной стороне : Побочное (25). См.: *Ljubomirow P. G.* Op. cit. S. 29.
- ³⁸ См.: *Леопольдов А.* Исторический очерки Саратовского края. М., 1848. С. 90.
- ³⁹ См.: ПСЗ. Собр. 1. Т. 24, № 18021. С. 641.
- ⁴⁰ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 180. Оп. 1. Д. 26. Л. 9.
- ⁴¹ См.: ПСЗ. Собр. 1. Т. XXVI. С. 299–313.
- ⁴² См.: ГИАНП. Ф. 1831. Оп. 1. Д. 287. Л. 14–14 об.
- ⁴³ См.: Топографическое и историческое описание... С. 123.
- ⁴⁴ См.: *Булычев М. В.* Экономика немецких колоний Саратовского края в первой половине XIX в. // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Анапа, 1994. С. 167.
- ⁴⁵ См.: ГИАНП. Ф. 1831. Оп. 1. Д. 287. Л. 18.
- ⁴⁶ Там же. Д. 4. Л. 11.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же. Л. 11 об. К тому же люцерна дает самый лучший урожай из всех прочих, т.к. здесь почва по большей части иловатая в степных местах.
- ⁴⁹ Там же. Д. 287. Л. 11.
- ⁵⁰ Там же. Из Санкт-Петербургского Вольного Экономического Общества доставлялись «необыкновенные» растения: китайское суходольное пшено; китайское конопленое семя; китайская масляная редька, присланная от Садско-Сельского садовника Г. Бута; земельный миндаль от него же; крап, марена от инспектора над шелководством Репирнова; вейды для синей краски – от него же; лиственницы, ели и сосны, присланные из Экспедиции Государственного Хозяйства.
- ⁵¹ См.: ГИАНП. Ф. 1831. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.
- ⁵² Там же. Д. 287. Л. 15 об. – 16.
- ⁵³ См.: *Булычев М. В.* Экономика немецких колоний... С. 170.
- ⁵⁴ См.: ГИАНП. Ф. 1831. Оп. 1. Д. 4. Л. 15.
- ⁵⁵ См.: *Булычев М. В.* Экономика немецких колоний... С. 170.
- ⁵⁶ ГИАНП. Д. 287. Л. 16 об.
- ⁵⁷ Там же. Л. 17.
- ⁵⁸ См.: *Булычев М. В.* Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия. Саратов, 2004. С. 13–28.
- ⁵⁹ См.: *Писаревский Г. Г.* Нижнее Поволжье в третьей четверти XVIII в. С. 5–6.
- ⁶⁰ См.: *Леопольдов А.* Указ. соч. С. 91.

УДК 908[286.12+314]

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КЛААССА ЭППА ПО ПЕРЕСЕЛЕНИЮ МЕННОНИТОВ В ПОВОЛЖЬЕ (1850–1854 гг.)

Н. О. Евсеев

Саратовский государственный университет
E-mail: decoloced@mail.ru

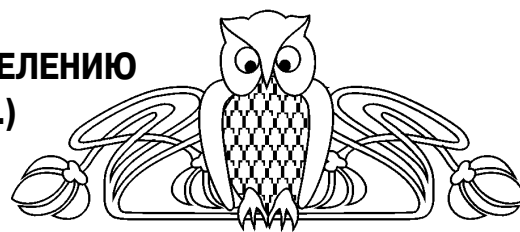
В статье рассматривается история переселения меннонитов в Поволжье через призму деятельности лидера прусских меннонитов Клаасса Эппа. Работа основывается на архивных документах, а также на источниках личного происхождения – дневниках, мемуарах, письмах и т. д.

Ключевые слова: Поволжье, меннониты, немцы-колонисты, миграция, хилиазм, Клаасс Эпп (1803–1865), И. Х. Юнг-Штилинг (1740–1817).

Claass Epp's Mennonite Migration Activities in Saratov Wolga Region (1850–1854)

Н. О. Evseev

The article deals with the history of Mennonite migration in Saratov Wolga Region through the prism of Claass Epp's activities. The article bases on archival documents and historical sources of personal origin – diaries, letters, memoirs and etc.

Key words: Saratov Wolga Region, mennonites, Volga German colonists, chiliasm, Claass Epp (1803–1865), J. H. Jung-Stilling (1740–1817).

Переселение меннонитов в 1850-х гг. XIX в. в Поволжье является неотъемлемой частью всей немецкой колонизации южных и восточных рубежей России. Приглашая представителей этого протестантского движения в пределы империи, царское правительство рассчитывало на быстрое развитие ранее пустующих территорий.

Советский исследователь А. И. Клибанов выделяет два этапа переселения меннонитов в Россию¹. На первом этапе (1789–1803 гг.) меннониты заселили территории Новороссии, где основали 18 колоний², вошедших затем в Хортицкий меннонитский округ. Это переселение характери-